
Автор представлен членом Художественного совета **Юрием Семенцом**

Смерть

Умолкли птицы. Небо словно выше.
Звезда прожгла мерцанием простор.
Беззвучный вздох – полёт летучей мыши.
Затих дневной досужий разговор.
Повсюду тени. В бликах мостовая.
Незримо шевеление листа.
Мелодия вечернего трамвая
так непередаваемо проста –
но вдруг ушла, закончилась внезапно...
Остывший воздух дрогнул невзначай:
тупым стеклом по вечности царапнул
ночной мопед, стеною и стуча,
сжимая звуки в шорохи и звоны...
...И движется, смыкается, страшна,
из каждой щели, тонкой и бездонной,
бескрайняя, сплошная тишина.
Одно лишь сердце с болью и тревогой
наружу рвётся, зная наперёд,
что рядом, здесь, без света и дороги
землёю Смерть полночная плывёт –
её уснувшей тёмной половиной,
и выбирает время сладких снов.
Беспомощный, виновный ли, невинный,
и млад ли, стар – для Смерти всё равно.
Застыв, стою. Она струится мимо,
касаясь мягко полами плаща.
...И до утра, до спазм, невыносимо
немееет ниже левого плеча.

Не двигайся, и руку отпусти...

«...Не двигайся, и руку отпусти.
Закрой глаза. Сейчас задёрну шторы.
Я записала твой последний стих.
Нет, не последний. Что ты, я не спорю...
Не поднимайся. Так сильнее боль.
Лежи. Дай, лоб попробую. Горячий.
Не уйду. Я рядом, здесь. С тобой.
Как жарко. Пот. Смахнула. Нет, не плачу.
Ну что ты?»

– «Ближе. Ближе. Умереть
легко. Глаза закрою и – в дорогу.
Того, кем был, осталась четверть. Третью –
ещё глаза. Язык. Совсем немного.
Ты слышишь? Тише. Бабочка у ног.
Нет, на руке. Опять летит. Садится.
Ну, отгони. Я сам, когда бы мог.
У бабочек приветливые лица.
Вот и у этой. Что же ты кричишь?
Не слышу я. Движения инертны.
Трепещут крылья пламени свечи.
Все бабочки, наверное, бессмертны».

Я обманул вас: смерти нет...

Я обманул вас: смерти нет.
Причины нет грустить и плакать.
Там, за орбитами планет,
я уверяю – лучший свет.
Не разводите носом слякоть.
Я снова весел. Пью нектар.
Размах не выразить словами:
сегодня сею пыль Стожар,
назавтра – невесомый пар,
и вьюсь из чайника над вами.
...А впрочем, лгу: на стену лезь,
но сметь не вздумай торопиться:
ведь я никто, я просто взвесь –
так, пустота (попробуй, взвесь!),
всего изнанка, заграница.
...А так, конечно: смерти нет,
пока не стёрлась в детях память.
Укроет прах последний след –
и всё живёт. А смерти – нет.
Поют скворцы. Им что – весна ведь.

Мир взъерошенного детства...

Мир взъерошенного детства,
босоногости и неба –
прямо здесь, на этом месте,
только чуточку дрожит;
рыжекудрая соседка
с золотой краюхой хлеба,
и сосед, негодник редкий –
нацепил невинный вид.

Наша старая лошадка
взглядом умным, невесомым
мне сказала: «Мир наш наткан
и бесплотна эта шаль» –
и свои большие крылья
вознесла над нашим домом,
чтоб заботливо укрыли
то, чего до боли жаль.

Лишь моя седая мама,
улыбаясь грустно-грустно,
всё сидела, глядя прямо,
что-то видя там, вдали,
и они с лошадкой нашей
изъяснялись не изустно,
и смотрели дальше, дальше –
где терялся край земли.

Эта женщина как птица...

Эта женщина как птица –
порхает, немного поёт.
Даже если чудит и злится –
задор только красит её.
Граммфонную пластинку
всё крутит – Ободзинского.
Ещё она любит Стинга –
любые композиции.
Она послушает, заплачет,
от грусти – обнимет любя,
шепча что-то типа: «Ты мачо!» –
в женщинах чёртики спят.

Домой он придёт наутро.
В природе будет ненастье.
Жена промолчит: не дура,
и в ней уже нет той страсти.
Он ляжет в постель, под стенку.
Она повернётся, вздохнёт,
подождёт к груди коленки –
тепла ведь никто не даёт.
И вот обОим не спится.
Окно засереет к пяти,
а между ними граница –
так просто не перейти.

Да разве несчастье это?!
Любовь умерла у многих.
И есть ли она на свете?
И есть ли на свете боги? –
они бы сделали что-то,
наверняка бы сделали,
ведь даже анод с катодом
рождают пламя белое.
А мы – не хотим. Не можем?
Или всё-таки – не хотим?

И молча лежат на ложе:
она – одна, и он – один.

Весенняя страна

Смотри: недалеко, в лугах за перелеском,
лежит страна чудес, весенняя страна.
Молчи. Не говори, что некогда и не с кем –
нам только подождать, пока взойдёт луна.
Пойдём, рука в руке, на шапке – колокольчик,
чтоб весть подать о том, что это мы идём,
и в час ночной, когда свои дела закончат,
нас отведут жильцы в большой цветочный дом.
Потом, когда сыграют праздничные марши,
а ёжик-дирижёр отвесит нам поклон –
узнаем, что вовек не сделаемся старше
пока здесь будем жить, пока продлится сон.
А в брошенном краю, где жили мы когда-то –
в огромных городах, в заботах и мечтах,
нет больше никого, о ком бы помнить надо:
они давно в таких же, сказочных местах.